

Дарья Слюсаренко
Александр Елизаров

НАБЕРЕЖНАЯ ИСЦЕЛИМЫХ

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОН, студент, 20 лет

ОНА, студентка, 19 лет

ПРИМЕЧАНИЕ:

Второстепенные персонажи не включены в истории, т.к. сама пьеса представляет собой один большой диалог. Однако авторы считают нужным иллюстрировать избранные сцены следующим образом: где-то в тени сидят люди, которые периодически под рассказ главных героев, сидящих посередине сцены, появляются в стороне и совершают действия, иллюстрирующие рассказ, как то: компания выпивает за столом, люди сидят на лавочке и т.д. Эти люди не говорят ни слова - все слова поступают от двух единственных рассказчиков, включенных в один диалог. То есть пространство пьесы ограничивается условной набережной и только самые необходимые сцены имеют свои отдельные зарисовки.

2015

ОН сидит на песке, смотрит на качающиеся волны, глаза закрыты, уши в наушниках. Игрет музыка с самого начала. Есть бутылка вина, которая зарыта где-то, где не видно – так обычно охлаждают пиво, зарывая его в песок.

Чуть вдалеке за ним возникает ОНА. Удивленно на него смотрит, садится рядом. ОН не сразу ее замечает, а когда замечает, вздрагивает и мгновенно снимает наушники.

Музыка затихает. Не знает, что сказать. Затем - робко.

ОН: Море.

ОНА: Река.

ОН: Это не река, это море. Волг.

ОНА (смеется так, как смеются над шутками неизлечимо больных): Это же РЕКА. Это ВОЛГА.

ОН: Нет-нет, ты не понимаешь. Сегодня это море. Волг.

ОНА: Почему Волг?

ОН: Потому что меня кинула телка, и вся природа, ну, мать природа, она как бы опекает меня. Поэтому сегодня на один день река Волга становится морем Волгом, ну, чтобы опекать меня. Мужская как бы солидарность. Ну, я не говорю о своих родителях, ну просто потому, что их здесь нет, они очень далеко живут. Ну, а кому еще защищать меня, как ни матери природе? Но завтра это будет опять река Волга – телка то есть. Вот тогда и будешь так ее называть, а сегодня, пожалуйста, нет.

ОНА: А почему вдруг море?

ОН: Ну мужское же начало.

ОНА: Море – средний род.

ОН: Главное, что не женский.

ОНА грустнеет.

ОНА: А что за телка? Что случилось

ОН (карикатурно-серьезно): Да это уже дела прошлых лет. Видишь ли, я сижу здесь и смотрю в будущее (прикладывает руку ко лбу как капитан корабля и выпрямляется). А за мной - все мое прошлое, весь этот чертов город, весь этот гнусный, макабрический год!

ОНА: Че, какой год?

ОН: Макабрический.

ОН замолкает.

ОН: А ты че... Че здесь забыла?

ОНА: А меня из дома выгнали.

ОН: А у тебя хотя бы дом есть.

ОНА: В смысле?

ОН: Ну, я в общаге живу. Но Марина всегда удивляется, когда я называю это домом.

ОНА: Это девушка твоя?

ОН: Не, не моя.

ПАУЗА.

ОН: Нет, тебя правда из дома выгнали?

ОНА: Нет, я сказала, что я ночую у подруги.

ОН: Че-то случилось, да?

ПАУЗА.

ОН: Не, ну я просто понимаю, что сюда поодиночке не приходят, тем более в такое время. Тем более телочки.

ПАУЗА.

ОН: Хорошо. Давай так. Я вижу, что тебе тяжело рассказывать истории. Ну, в смысле тебе сложно их начинать. Давай я сейчас расскажу свою историю, а потом ты расскажешь. Ну, че случилось.

ОНА: То есть ты хочешь узнать, почему я сюда пришла?

ОН: Ну да, конечно.

ОНА: Ну, ты же понимаешь, что это не связано с тем, что произошло сегодня, это больше связано с тем, что происходило в последнее время.

ОН (с иронией): Имеешь в виду весь этот гнусный год?

ОНА: Ну, год не год, но где-то так.

ОН: Хорошо. Давай тогда я начну. О, а давай так! Будем рассказывать примерно по месяцу своих историй. Вот у меня, например, все начинается в июле, а у тебя?

ОНА: Ну, можно начать и с июля.

ОН: Ну, давай так, я начну с июля, закончу где-то в августе, и потом ты. И будем так меняться. Ну, пока не дойдем до сегодняшнего дня. Хорошо?

ОНА: Хорошо.

ОН: Июль, значит. Я был тогда на первом курсе универа: сессию закрыл, впереди лето, но сперва – практика. Но от практики я отказался, я уезжал в Питер. Ну, не в смысле уезжал на каникулы, а в смысле я хотел перевестись.

Я учился-учился год целый в своем вузе, но меня все заебало сильно. Ебанный универ, ебанные люди, скучно, тускло. Я за год все это понял и решил, что не хочу больше жить в Самаре. А еще я жил дома, с родителями – это было для меня вообще невыносимо, мы ругались постоянно, я после пар домой ехать не хотел и так далее.

Ну и значит только-только начинается июль, а я уже в тыщу универов написал тип «Хочу перевестись!». Какие-то ответили, какие-то нет. Ну, в питерские. И все, билеты уже взял, готов, прихожу на практику к себе - а первый день, все только определяются, куда идти.

Захожу к главному по практике в кабинет, а там еще сидела староста, и говорю преподу:

«А можно мне не ходить на практику?». Он такой: «А почему?» Я такой: «А я перевожусь!». Препо: «Ну я не знаю». А староста сидит, смотрит так еще удивленно тип «Куда ты там, петушок, ехать собрался?». А я об этом никому почти не говорил. Вообще не люблю о таком говорить заранее. Но в итоге отпросился все-таки. Хотя и не перевелся. А был такой стремный, уебищный препода, но он отпустил все-таки. Я поехал в Питер. Мы короче туда приехали с Дениской, я хотел же перевестись. Дениска – это мой единственный и лучший друг. Мы с ним в школе учились, а потом он уехал. То есть он тоже в Самаре сначала поступил, потом решил уезжать. Ну я понял, что так правильнее и я так же хочу. И все. Но! Меня угораздило замутить с телочкой до отъезда. Вот прям до-до-до отъезда. Ну, якобы замутил.

ОНА: Почему якобы?

ОН: Потому что у нее был парень.

ОНА: Тебя это не смутило?

ОН: Это ее не смутило. Ее звали Аня, она была из моей группы. На самом деле я дважды проебался, потому что у меня были две девушки из моей группы. Ну я с ними, в смысле, встречался. Это все было очень странно, я понимал и не понимал одновременно. Она меня до этого еще раз кинула, это было очень забавно. Я думал, что мы с ней, а потом она уехала в лагерь со своим знакомым чуваком, там они замутили, она приехала и со мной не разговаривала. И потом делала вид, что ей, короче, больно все. То есть она не трахалась, но...

ОНА: А, так она не трахалась? То есть это не совсем измена?

ОН: Ну какая разница? Мне непонятно, почему считается изменой именно впихнуть член в жопу. Это абсурд. Изменяешь ты не членом, а головой.

ОНА: Она сама тебе призналась в этом?

ОН: Она просто выставила вконтакте фотку с ним. Потом это повторится еще гораздо хуже. Ну так вот. Она со мной не разговаривала, короче, несколько дней. Потом она разговаривала. Потом она сказала, что ей плохо. Потом мы якобы стали встречаться — ну как встречаться, мы сходили в кинцо и почмокались. Я говорю «почмокались», а не «поцеловались», потому что мне просто очень неприятно об этом разговаривать, я пытаюсь выкинуть это все. Это очень сильно повлияло на меня в какой-то момент. Может, до сих пор сказывается. Это было постфактум мерзко. Мы с ней вот поцеловались, через два дня я уехал в Питер, в итоге не перевелся. Я с Денисом разговаривал типа «Вот что бы ты сделал на моем месте?», и я знал, в принципе, что я делаю правильно, потому что я ориентировался на себя, на то, что я чувствую.

ОНА: На то, что ты ее любишь, видимо?

ОН: Я не знаю, я не знаю, что такое любовь. Ну и в итоге я остаюсь, звоню там родителям. И потом — я там был три недели — в течение недели или полутора она мне просто не отвечала. То есть прикинь, я нахожусь в Питере, говорю, что не перевожусь, и она мне просто не отвечает. А если отвечает, то говорит: «Извини, я очень устала». А я из-за нее не переехал. Это вот звучит так приземленно, а мне тогда казалось, что это шанс всей моей жизни. Я четко помню, как ехал на машине и слушал Lose Yourself Эминема. И там есть строчка типа «Может, это вообще твой последний шанс?». Ну я и подумал, что да, последний шанс. И судьба меня перед выбором ставит: телка или будущее. Ну, вернее,

Самара или Питер. Как-то так. И вот я из-за нее отказываюсь от всего, а она не отвечает. То есть я уезжаю, все клево, а она не отвечает. Я там три недели ворочаюсь, а она молчит. У меня определяющие три недели, а ей плевать.

И я не знаю как бы, че делать, потому что мне Денис говорит, ну, может, она устала. Но без желания все это сказать. А я уже родителям сказал по телефону, что я никуда не переезжаю еще где-то на третий или четвертый день в Питере. Ну время, значит, проходит, я приезжаю домой. Я все равно с ней не вижу какое-то время. Я еще писал другу Артуру вот такая история, и он говорит: «Чувак, да по-любому она занята». Проходит еще день, я говорю «Давай встретимся», она говорит, «Я не могу». Проходит еще три дня, я говорю «Давай встретимся»: я же понимаю, что что-то не так. Понимаю, но не хочу принимать. То есть ты приехал, ты никуда не поехал, а Питер то хороший город. Мы просто бомжевали тем летом с Денисом, у нас денег вообще не было, мы ели гречку с этим как его с кетчупом. В итоге она все равно не хочет со мной видиться.

Я поругался с родителями, потому что я не переехал в Питер, и сказал им, что все равно я от них уеду. Что я не останусь дома, а буду жить в квартире съемной в Самаре. Типа дома больше не могу. Мне критически было невозможно жить дома. Там две маленькие комнаты, а двери закрывать нельзя, потому что там «котик». «Котик» – это моя сестра маленькая, Лиза. Ей тогда было где-то год-полтора. Это самое ужасное чувство, когда ты вот ее больше всего ненавидишь и больше всех любишь. Я себя ненавижу за это вот за все. Хотя нет, сестру я не ненавидел. Я ненавидел ситуацию, атмосферу безысходности какой-то, типа я вот с сестрой в одной комнате всегда, а ей годик. А с годовалой сестрой – а особенно до года – это тяжело, правда. У меня своей комнаты не было тем более. Понимаю, что родители ничего не могут сделать, и я сам не могу ничего сделать. В итоге я иду в Макдональдс на собеседование.

Август, я уже дома, я уже никуда не переезжаю. Я на самом деле не очень хотел уехать из Самары, а просто хотел уехать от родителей. Я до этого в Самаре никогда не жил. Я жил всю свою жизнь короткую в Рошинском, потом я катался год в Самару (ну, когда поступил в универ), мне показалось, что там гораздо красивее, чем в Рошинском. Ну и я такой родителям в августе «Я пойду работать» - буду работать, буду снимать квартиру, жить в Самаре. У меня было собеседование в этот день, я с ней опять не смог встретиться, я ей позвонил, даже ждал ее. Потом я позвонил Артуру, мы пошли гулять, мы сели на лавочку — я просто все это очень хорошо помню — открываю контакт, листаю, такой блять: а там фотка с ним. Это второй раз. А до этого она с ним якобы рассталась — за день до того, как я уехал. Понимаешь? То есть она до этого просто ему ничего не говорила. Потом она в один день с ним рассталась и в лагерь поехала вместе с ним же. Потому что они были из одного какого-то отряда кураторов короче. Я вот сижу на лавочке с Артуром и ей звоню сразу же. Ну фотку увидел и звоню. Спрашиваю «Что это за хуйня?», она мне просто сказала — «Я не хочу видиться». То есть фотография есть, но она даже не говорит ничего. Это было максимально ужасно, короче.. Мне очень повезло, что Артур меня позвал к себе поесть. Ну то есть мы такие сидим на лавочке, он все понимает, че случилось. Я весь подавленный вообще, весь разбитый. А он такой: «Пошли ко мне, поедим». Он очень замкнутый, не то чтобы замкнутый, но ни с кем не общается кроме меня, то есть общается, но так — не выходит гулять, дружит только вконтакте. Он очень умный при этом. Но не

социализированный. Он это понимает все, но не торопится как бы что-то с этим делать. При этом я иду к нему и сижу там у него дома. Мне это все как-то помогает. А у него там сестра и мать вообще в одной комнате. Там общага вообще, и мы там вчетвером сидим. Сначала поели, потом за его компом посидели. Места нет, тесно, но мне было хорошо, правда. Потом я поехал в Макдональдс, устраиваться на работу, меня не взяли, я поехал домой. А дома. Дома... Это было просто ужасно. Я не могу сказать родителям, что я на самом деле уже опять хочу уехать, потому что я уже сказал им, что я не уеду. Я понимаю, что я не могу так дважды за два месяца над ними издеваться — я то уеду, то не уеду. Я не считаю, что это правильно. И я это все в себе держу, не осмеливаюсь с ними делиться. Ну и со временем... Со временем нашел другую вакансию, устроился в «Бургер Кинг» кассиром. Взяли. И вот там вот я весь август работал. Мне очень помогло, что я там работал. Просто работал с кассирами, с людьми на кухне. Было нормально. До универа там и работал. Ну, до сентября. А в сентябре опять в универ. В тот же самый. Не перевелся же.

ОНА: Я в июле проходила свою первую журналистскую практику. Мы вместе с моим парнем Кириллом устроились на Сити.fm. А Сити.fm находилось сразу за ВГИКом, за поворотом. Я всю жизнь мечтала поступить во ВГИК и поступила, но в последний момент решила не идти. И мне, так как я очень верю в знаки, казалось, что это такой знак, что я сделала неправильный выбор. Весь месяц мы писали никому не нужные новости на радио, их даже не брали в эфир. Я ненавидела всей душой дорогу до Ботанического сада на метро и оттуда до Сити.fm, ненавидела редактора, продюсеров, жару, ежедневные ссоры с Кириллом и бессмысленно потраченные дни. В конце июля нам наконец подписали отчеты и дневники, и мы с радостью оттуда свалили. Я свалила домой, а Кирилл уехал в Летнюю школу «Русского репортера» на две недели.

И я начала страдать. Мы учимся с Кириллом в одном университете и одной группе. А никто, к сожалению, не объясняет, что нельзя, вообще категорически нельзя сблизиться с людьми в университете. Круто если вы знакомые, может, даже близкие знакомые. Но не дай бог влюбляться и, тем более, спать со своими однокурсниками. Это кошмар. Так вот, мы за первый курс почти не расставались больше чем на один день. Так что я была максимально привязана, и мне постоянно чего-то не хватало в его отсутствие.

В это время из Воронежа вернулась моя подруга и тоже одногруппница Оля. Мы пошли с ней обедать. Встречаемся наверху у эскалаторов на Китай-городе. А у Оли всегда были пышные черные волосы длинные. Смотрю — мальчишеская стрижка. Оказалось, ей сделали операцию. Я знала, что она была больна, но никогда не задавала уточняющих вопросов. Мне казалось, что это лишнее, и я лезу в ее жизнь, но потом выяснилось, что именно этим я все и разрушила. Мы посидели, поговорили, съели любимую пасту в «Китайском летчике». Через пару дней поехали кататься на велосипедах, и я поняла вдруг, что мне очень хорошо и очень спокойно с ней. Нет этого бесконечного нервного напряжения, которое к этому времени уже установилось у нас с Кириллом. Он, кстати, почти не звонил и не писал, и меня это не так уж напрягало. А вот Оля почему-то без видимых причин жутко на него злилась. Не хотела его видеть и даже слышать о нем, хотя

мы всегда неплохо проводили время втроем.

Когда Кирилл наконец вернулся, я инициировала встречу, на которой был и он, и Оля. Мы снова катались на великах, слегка выпили, и вроде напряжение спало, хоть и не до конца. Оля снова предложила поехать к ней в общагу, и я согласилась. Кирилла мы с собой не могли взять, так как не было мужских пропусков, но это нас не расстраивало. Мы зашли по пути в хачмакет, купили там водки, никакой еды, и пошли к Оле. Почистили от плесени хлеб, так как у нас больше ничего не было, разлили по стопкам водку и долго говорили. Все кончилось тем, что мы признались друг другу в любви. А потом — переспали.

ОН: То есть ты изменила Кириллу?

ОНА: Я рассказала об этом потом Кириллу. Просто у нас до этого был абстрактный разговор давно: считается ли изменой, если я пересплю с телкой, а он с парнем? Я сказала, что для меня любая измена — это измена, а он сказал, что если я пересплю с телкой, то это не считается. Я этого никак не могла понять, поэтому я в итоге ему сказала, что, вот, я поступила очень нехорошо. Ну, а он сказал, здорово, я бы тоже хотел с парнем переспать.

ОН: Пам-пам! Надо за это выпить!

ОНА: А че, есть че?

ОН: А я че тут сижу, думаешь? Че, на звезды только смотрю? Вон там в кустах лежит бутылка вина.

ОНА: Зачем она там лежит?

ОН: Никогда так не делала? Зарываешь в песок бутылку, она охлаждается.

ОНА: Неа.

ОН уходит за бутылкой, возвращается.

ОН: Есть ручка?

ОНА: Есть открывашка.

ОН (удивленно): Внезапно!

ОНИ открывают вино, пьют.

ОНА: Так, о чем я?

ОН: О жизни.

ОНА: Ааа. Ну так вот. Дальше был мой день рождения. Хуже моего дня рождения у меня дней в году не бывает. Это не просто плохо, это ужасно. Я была уверена тогда, что это будет первый раз, когда все друзья, появившиеся у меня за первый курс, точно придут и меня поздравят, несмотря на сраный август. И у меня будет день рождения, о котором я мечтаю, когда просто близкие люди сидят вокруг, стоит торт, там, какая-то выпивка, и они просто произносят тосты в честь меня. И, надо сказать, я испытала реальный шок, когда вообще никто не пришел. Оля была на работе в “Эхе Москвы”, все остальные куда-то уехали отдыхать в лагерь, у всех были дела. Короче остался только Кирилл, который мне не сказал, что никто не придет. И я весь день, пока он меня где-то таскал, думала, что где-то за углом стоят мои друзья. В общем, когда я наконец поняла, что никого нет, я просто села возле подземного перехода на Арбате и редела. Оля смогла выйти ко мне на час, успокоила меня, и потом мы с Кириллом уехали в Питер, как планировали. День рождения был худшим в моей жизни, а поездка в Питер была еще хуже. Мы просто там шатались, постоянно срались, периодически расходились гулять по одному, потому что это было

невозможно больше. Когда я вернулась, Оля устроила мне второй день рождения, и на него опять никто не пришел. В середине вечера сначала она куда-то ушла, а потом Кирилл тоже, и я сидела час одна. И я опять начала реветь, потому что не могла понять, зачем мне устраивать второй день рождения, если на него опять никто не пришел. Олю это все выбесило, она сказала, что это спектакль, и мы на долгое время очень сильно рассорились.

ОН: А я в сентябре еще никуда не переехал, у меня был выбор снимать квартиру или жить в общежитии. Я работал в Бургер Кинге уже три недели, это было просто отвратительно. На кассе стоять в фастфудах? Вообще никогда просто. Если ты когда-нибудь пойдешь туда работать, говори сразу — «На кухню». На кассе стоять мрак. Тебе нельзя себя касаться — воротничка, волос, носа — вообще никак себя нельзя касаться. Если ты хоть что-то у себя поправляешь, и это замечает менеджер, он тебя отправляет сразу мыть руки.

А еще у меня была проблема в это время. Я думал, что я перевожусь в Питер, и не просто перевожусь в Питер, а учиться на того же инженера, на которого учился в Самаре, во-вторых, с тем условием, что я буду вообще теперь охуенным инженером. Денис над этим смеялся все время, но не проговаривал, потому что для меня это должно было быть очевидным. Я не знаю, зачем я себя все время обманывал, но вот я думал, что раз уж я выбрал быть инженером, то вот надо стать им. Худшее было в том, что за все это время я так и не нашел в универе человека, с которого я мог бы брать пример. Вообще ни одного. Приходишь в универ и думаешь — ну мошки блять ебаные, муравьи. Ну и в Питере жить явно лучше, чем в Самаре. Ну и в итоге я не переехал, а решил, что там стану охуенным инженером и пойду в конструкторское бюро. Потому что ну какой я инженер: на втором курсе я паять не умею. Я инженер — я не знаю, что такое диод, как выглядит диод. В итоге я че-то куда-то ходил раз и забил. Вот какой из меня инженер.

Но мне повезло очень: в какой-то момент мать с отцом съездили поговорили с проректором, ну и в итоге мне дали общежитие. С этим мне реально повезло, потому что за меня очень многое делали родители в тот момент. В итоге у меня появилась почти квартира в Самаре, я в середине сентября ушел с работы и с тех пор жил тысячи на 4 в месяц от родителей и бабушка еще давала — ну тыщ 10 где-то выходило. Мне хватало совершенно.

А в общежитии... Я тебе просто опишу свой первый день там. Я пришел туда, там было все исписано в стиле регги. Какие-то цветы, вот это все. Ну, в моей новой комнате. На двух кроватях спали 4 человека: парень-телка, парень-телка. Я подумал ну клево, общежитие. Второй раз я приехал уже заселяться, мне сосед объясняет все принципы жизни в общежитии «Так и так типа, я там курю план все такое типа, пью, но если ты нормальный, все будет нормально». И он начинает менять одеяло, пододеяльник, которые были в крови, причитая, что вот все тут грязно из-за какой-то телки. Он выебал там телку, первокурсницу. И причитал, что вот эти первокурсницы, каждый год так. Влюбляются в него, а потом - трахать их... То есть ну трахать то еще ничего, но потом... При этом у него была еще девушка. Ну вот как-то так я и зажил в общежитии.

С Аней... Я с Аней вообще не общался, но случались такие казусы, типа как сидим мы на

паре. Парта, парта, мы с Артуром, она с кем-то. И мы разговариваем с Артуром, и он как-то вдруг называет ее шлюхой. А она услышала и как-то сильно на это обиделась. Потом она меня в этом обвинять будет. Типа я ему рассказал. То есть она че сделала – не виновата. Я рассказал единственному человеку, которому мог и хотел в тот момент кроме Дениса – и все, гандон. Абсурд. Вот так вот мыслить - это как верить в Бога. То есть в принципе можно, но нахуя? А потом, в какой-то день вдруг мне пишет Света, ее подруга, сообщение примерно такого содержания: «Она ошиблась, она очень страдает, говорит только о тебе, но боится с тобой поговорить. Жди ее, пожалуйста, в такой-то день после пар, она хочет с тобой встретиться, поговорить». Встретиться 4 сентября — в мой день рождения.

А фишка в чем. Вообще все началось с того, что мы ходили домой вместе.

ОНА: С кем?

ОН: С Аней.

ОНА: Вы после этого продолжали общаться?

ОН: Неет. Мы начали общаться из-за чего? Из-за того, что ходили домой вместе.

ОНА: А, все. Поняла.

ОН: А теперь я продолжал еще до 15 числа домой ездить – пока в общагу не заехал. Ходил по тому же маршруту, где мы с ней ходили. Поэтому было понятно, где я хожу обычно, каждый день. Пока еще в общагу-то не заселился. Потому что я ходил домой до остановки, а потом домой ехал еще на маршрутке. А она просто до дома доходила. И значит, я второго числа... третьего числа я иду после работы. И она стоит на перекрестке. Четвертого мы собираемся разговаривать. Якобы. Я стою там, мне по другому пути не пройти, поэтому мы встречаемся. Ну и значит, ок, мы идем как-то разговаривать, потому что она такая обняла меня, «давай поговорим», все такое. «Ну хорошо», - говорю. Я молчу, я ничего не говорю всю дорогу. Мы идем, в итоге она психует, ничего говорить не может, уходит. «Мне тяжело». Вот такая ситуация. Ну хорошо. Я поехал домой.

На следующий день я стою там, жду. Жду, жду, жду. Время все, прошло. И я понял, что какой смысл мне ее ждать и просто ушел. По всему было понятно, что она не придет. Это абсурд. Она не пришла, конечно. Потом мне напишет Света и скажет, что она не смогла второй раз. Ну, типа два дня подряд разговаривать.

Закончилось все это тем, что мы помирились довольно забавно. Хотя нет, на самом деле ни хуя не забавно, я просто сдался. В течение следующих 7 дней мы продолжали не общаться, а просто в какой-то момент... Я еще не заселился, то есть это было до 15 числа. Мы шли четвером домой. Она со Светой, мы с Сережей. Света с Сережей шли примерно в ту же сторону. Света с Сережей – это такая первая пара в нашей группе, они познакомились еще в самом начале учебы, и потом почти не расставались. Фишка в том, что мы часто раньше ходили вместе четвером по одной дороге – ну, после пар. Весной там, когда тепло. Им надо было до одной остановки идти, Ане чуть дальше, мне вообще до конца улицы – но с универа выходить всем хочется вместе, факт. Особенно летом. И вот мы шли. Света и Сережа остались на своей остановке, Аня ушла, я остался стоять с Сережей и Светой. Постоял, пошел вслед за Аней и все-таки нагнал ее. Понял, что если я не заговорю, то и она не заговорит. Ну и вот так вот. Мы пошли в какие-то дворы, сели на лавочку и говорили часов 5. Или 4. Мы поговорили, начали нормально общаться.

На следующий день – это было для меня, наверное, очень неожиданно – она захотела поехать ко мне. Я просто в это время жил в Рошинском, но у бабушки. А у нас квартира... короче, подъезд бабушки через один от моего. А бабушка уехала куда-то. И я просто жил там какое-то время, потому что не хотел жить дома. Я думал, что сейчас уже все... История с кодовым названием «Девятнадцатилетний девственник», она все, будет исчерпана.

То есть мы поехали ко мне домой... Вдвоем.

ОНА: И че вы там делали?..

ОН: Целовались!

ОНА: Целовались? Больше ничего?

ОН: Да!

ОНА: А ты не проявлял активность?

ОН: Она сказала, что «Нет, ничего не будет». Она в джинсах спала! Кофту даже не сняла. Ну и все. То есть после этого мы до ноября как-то общались и даже ходили пару раз в кино. Но в итоге мы в какой-то момент просто поругались и перестали общаться. Опять. Последнее, что было – ходили на «Советника» в кино. И там оба уснули.

ОНА: Да, я тоже с Олей ходила на «Советника». И тоже, по-моему, уснула.

ОН: Мы просто ходили...

ОНА: Я думала, «че за говно?!».

ОН: Там было че-то около 12 ночи... А мне до сих пор нравится. Я до сих пор хочу понять, правда, чем именно он мне нравится... Ну и после «Советника» мы больше не общались где-то. Дня через три поругались окончательно, и все.

ОНА: Нет, мне казалось, что говно то еще.

ОН: А может он мне назло ей нравится просто?..

ПАУЗА

ОНА: А че тебе-то было в ней интересного?

ОН: В Ане? Ну она мне нравилась очень сильно. Я не то чтобы сильно хотел ей сильно все прощать. Но в итоге все ей прощал. Мне просто было с ней хорошо. В конце концов, я посмотрелся кино. Все, что понимал об отношениях, о любви, не могло быть по-другому откуда-то черпано. Сейчас я понимаю, что плохого в кино.

ОН: Ну да, так всегда.

ОНА: Поэтому мы с ней в июне ходили почти на всю ночь гулять. И сидели на пляже. На пустом пляже вдвоем. Типа Луна, звезды, скамейка у спокойной Волги. Сидели там, разговаривали. Просто разговаривали, даже не целовались, по-моему. Помню только, что я был в шортах, и когда ее обнимал, приходилось выгибаться немного. В смысле тяжело обнимать девушку, когда у тебя стояк, и ты не хочешь, чтобы она об этом знала. Ну, тыкаться как-то ебано. Ну так вот мы сидим. А в кабинку для переодевания – напротив скамейки - заходит мужик. Ночь, темно и Аня этого не заметила. А я заметил. И он заходит сначала – уже пиздец страшно, - а потом у него ног не видно. А она рассказывает свою историю, я ей поддакиваю типа «да, да, давай еще, Господи, как интересно». А сам смотрю внимательно, че такое вообще происходит. Понимаешь, мужик зашел, ноги видно, минуту спустя ноги не видно. И мы такие сидим, она вся такая в романтическом ключе базарит че-то на фоне, а мужик-то там, в будке. Я это знаю, мне страшно пиздец.

ОНА: Бляяать (смеется)

ОН: Мне оч страшно было. То есть я сижу с телкой, на пляже, мне должно быть хорошо, а мне не хорошо, мне, сука, страшно.

ОНА: Ебать ты лох.

ОН: Мне очень страшно. В итоге мы как-то оттуда ушли: я ей просто сказал вроде «Вставай, пойдем погуляем еще». А потом в июле мы ходили в кино и почмокались. Я в апреле твердо решил, что переведусь, но потом случилась она и не перевелся. Она меня кинула, потом вроде как вернулась, потом был ноябрь и все, вроде конец. Как-то так. А когда я переехал в общагу, я еще познакомился с Мариной. На самом деле в общаге самое клевое за, получается, год примерно – первые два месяца нашего общения с Мариной это было самое нормальное. Марина тоже была моей одногруппницей. Не знаю, что меня останавливало знакомиться с девушками не из моей группы. Может, я просто был жутко не уверен в себе.

Ну и, значит, как все началось. Мы просто начали общаться хорошо. Начиналось все с того, что просто ходили пить чай. Я такой сижу у себя, пишу ей тип «Пошли чай попьем». А в общаге был диван, старый, и он стоял на 5ом этаже. Ну и мы ходили туда часто. Да, мы с самого начала туда ходили. Случалось, сначала на диване сидели, потом по пустой общаге ходили. До 6, до 7 утра. Было клево, честно говоря.

А параллельно она общалась еще со Стасом. Стас – одногруппник наш. У нас группа была очень забавная. То есть от того, что там была половина телок, было не очень хорошо.

А с Мариной, значит, ситуация такая: я с ней общался, она параллельно хорошо общалась со Стасом. Стас он выглядит, на мой взгляд, красивее меня, но очень сильно тупой.

Усугубляется тем, что они читает умные книжки, а все равно тупой. Накачанный, футболом занимается, но тупой. Причем ну настолько тупой, причем я не знаю, как это объяснить. Как смотришь фильм, и не можешь это объяснить, но интуитивно понимаешь, что ну тупой фильм, тупой. Хотя я всегда оставляю возможность, что я не прав или что-то вроде, но я не склонен сомневаться в том, че говорю.

И вот в какой-то момент мы куда-то решили пойти втроем. Я тогда с Аней окончательно поругался, Марине перестал тот ее чувак из другого города писать, а Стас... Стас был за компанию и, скорее всего, хотел трахаться с Мариной. Я, в общем, тоже. Были ли у нас с Мариной возможности потрахаться, когда наше общение было в активном режиме? Было. Почему мы не потрахались? Наверное, она была против. Я против быть не мог вообще никак.

И вот мы этой компанией решили куда-нибудь сходить: выпить там, посидеть. Сначала пошли куда-то музыку слушать, какой-то концерт в «типа_антикафе». В Самаре есть и настоящие, но мы вот туда пошли, короче. Потом в бильярд собирались. Но бильярд не нашли, решили поехать в общагу. Мы там с Мариной жили, Стас жил где-то близко от универа, то есть близко от общаги, потому что общага вообще соседний от универа дом. И мне это показалось выбором. Ну вся ситуация была такой роковой. Типа Марина будет между нами выбирать. Типа телка с двумя парнями куда-то идет если, то с кем-то из них точно потрахается. Вот и я правда думал, что она между нами выбирает. Вот сейчас мне кажется, что она мне за что-то мстила. Типа заранее знала, кого выбирает. Не понимаю и не помню, почему. Но почему-то мне кажется, что она мне мстила. Ну, в общем мы пошли

сначала на музыку, потом в бильярд, потом в общагу. А в общаге только у меня была комната свободная, мы поэтому ко мне пошли. У Марины всегда была в комнате соседка Лиля. Лилия-качок. Ее даже Стас немного боялся. Лилия говорила страшным басом, много материлась на своего парня по телефону, но к нему ходила редко. Вот. Поэтому мы пошли ко мне. А у меня никого не было.

Поэтому мы пришли, въебали водки. Я, наверное, первый раз в жизни пил водку. Мы ее кстати купили в таком типичном хач-маркете, который единственный продает водку после 23. Вот. Водку и спрайт. И пили мы как раз потому, что у всех все якобы стремно в жизни. А Стас просто выпить был не прочь. Он же понимал, что этой ночью кто-то с Мариной ляжет ночевать.

Ах, самое главное забыл. Соль-то вся в чем. Ну, я как считаю. Мы приехали в общагу. Зашли в мою комнату. И начали переодеваться. А был октябрь, на улице то холодно, а в общаге так нормально топили. Стас вышел в туалет, а Марина собиралась переодеться. Я уже переоделся, а она просто сняла с себя вещи и была в лифчике. И в джинсах. И посмотрела на меня и улыбнулась. Это было так... По-киношному, знаешь...

ОНА: Ну да.

ОН: Ничего не было. Но она так странно улыбнулась. То ли со смущением, то ли с вызовом. Я не знаю. Правда.

ОНА: Ты не думал попробовать ее обнять?

ОН: Он вышел в туалет на минуту. Но это, короче, было странно. Ну, мы потом посидели, поговорили, выпили. Пообсуждали свои отношения. Причем я подумал, что было бы клево поиграть в игру «а чем вы гордитесь за последний год?». Ну типа назови свой лучший поступок за прошлый год. Назови поступок, которым гордишься. Стас такой: «Ну, я не трахнул Яну».

ОНА: Бляяяя, это очень смешно.

ОН: Он, короче, рассказал, что была такая телка Яна. Они то ли на свидании были, то ли че. Потом он ее провожать пошел, а у подъезда они стоят, она такая тип «Пошли ко мне домой, чаю попьем». А он такой понимает, что она его трахаться зовет. Но если вот сейчас пойдет на чай, то все, придется встречаться. А он не хотел встречаться. И не пошел. Воот. И он сказал, что ну вот этим поступком он и гордится. Тем, что не трахнул Яну.

Марина сказала, что ей нечего выделить... А я сказал, что... Короче, Аня в октябре, что ли, собиралась ехать в какой-то лагерь. Или форум какой-то. В Питер по-моему. И за пару дней до отъезда мы ходили зачем-то в Ашан. И она там видела арахисовую пасту, она ее очень хотела купить, но она была слишком дорогая. И я, значит, подумал сделать такой подарок. Я купил эту пасту и передал через ее подругу. Ой, нет. Через маму ее подруги. Та, соответственно, подруге, подруга – уже Ане. И в поезде она была уже с пастой.

ОНА: Нуууу (с горем в голосе)

ОН: Ты че?

ОНА: Видимо ради телок, которые первый раз нравятся, делают все. Ну просто я кучу таких историй слышала. Типа как вот телка что-то сказала, я запомнил, сделал... Я никогда не была такой телкой и никогда не буду, видимо. Поэтому мне все время грустно.

ОН: Ну ты че, тебе, что ли, никогда ниче такое не делали?

ОНА: Пожалуйста, продолжай.

ОНА: Ок. (пауза) Ну вот. Мы поговорили, и было уже поздно очень. Спать хотелось. А там в комнате было три кровати – двухъярусная моя и одного соседа и одноярусная другого. Я лег на свой второй этаж. А они сидели внизу, напротив моей, на соседней. А потом выключили свет. И все стало понятно. Где-то через две минуты я слышал, как они целовались. Через 3 минуты я вышел из комнаты – было жутко ебано. Поднялся наверх, на какой-нибудь 7 или 5 этаж – символично, мы там с Мариной всего месяц-два назад так говорили, так это было все круто, а я теперь я там стоял, ждал, пока они... И на дорогу еще смотрел. Правда, было часа 3-4 утра, поэтому машин не было. Фонари были, на балкон не выходил, потому что холодно. Стоял там, в руках держал айпод, в наушниках какая-то грустная песня играла. Вернулся где-то через полчаса. Они долго не открывали – видимо, одевались или искали ключ. Какая разница. Я вроде быстро уснул.

ОНА: Бля, я щас расскажу тебе историю.

ОН: То есть меня опустили настолько низко просто... Что, ну... Мне было абсолютно непонятно, че делать... А на следующий день она еще и улыбалась и таким тоном еще «А че такое?». И в глаза смотрела. Ну и потом мы где-то три месяца не общались.

ОНА: Расскажу тебе короткую смешную историю про секс в общежитии, короче. И ты себя нормально почувствуешь.

ОН: Я почувствую себя нормально, когда сейчас на минуту уйду в кусты.

ОНА: Ок.

ОН уходит в кусты, быстро возвращается.

ОНА: Чет ты быстро.

ОН показывает вторую бутылку вина.

ОН: Ты историю-то рассказывай.

ОНА: Ага. Второй раз, короче, когда мы трахались с Олей, был, когда мы напились. А был сентябрь, все уже вернулись в ее комнату. А пили мы на другом этаже. Но спать я пошла к Оле. Потому что остальные были из другой. Вот, я пошла в ее комнату, а там еще четыре человека.

ОН: Там 5 человек в комнате?!

ОНА: Да. Нет, по-моему, 4. Да, 4 человека в комнате. И одно место всегда было свободным. И она как раз рассказывала, что сюда переселили первокурсницу, т.к. место было вакантно. Нет, второкурсницу. Которая до этого жила в какой-то комнате, где ее просто вот гнобили, и ей было ужасно, она пошла жаловаться. Ее переселили в эту комнату, и вот ее первый день здесь. Пришли мы с Олей и легли на соседнюю кровать с этой девочкой пьяные просто вообще в щи. Я вот вообще не могла понять, куда я иду. Я задела все кровати, я куда-то упала. Короче, потом мы легли. И естественно решили, почему бы и нет. Наверное, это очень тихо. Но телки не могут трахаться тихо! Вообще это невозможно.

Ну, в общем, было очень громко и, по-моему, я упала еще раз, потому что я была вообще в каком-то пространном состоянии.

ОН: Ты упала?

ОНА: Да, с кровати. Короче, это девочка естественно проснулась, мы это уже слышали. Но нам было все равно. Абсолютно. Потом как-то уснули, а ее уже не было. То есть с утра она нарочито громко уходила. Мы проснулись, мы забили. Короче, на следующий день она

опять пошла жаловаться и съехала в другую квартиру. Мне ее так жалко было.

ОН: А че дальше-то было?

ОНА: Ну дальше были такие «смутные времена». Не знаю, как это еще назвать.

ОН: Шутка про 1612 год.

ОНА: Мне было очень плохо. Я просто ходила в универ... И я вообще не помню, что было с Кириллом.

ОН: Ты уже не с ним, что ли, была?

ОНА: С ним, но не помню ничего, что было. Не помню, что было с Кириллом. Но, видимо, мы как-то сосуществовали вместе. То есть это выражалось в том, что Кирилл очень хотел трахаться все время. То есть это какая-то его основная проблема. Как будто ему именно этого не хватает в жизни. Ему прям тяжело. Он постоянно провожал меня до дома каждый день. Даже когда мы ссорились. А ссорились мы практически каждый день. Но в принципе мне было насрать, потому что я переживала больше всего из-за Оли. То есть я думала, что я ее разочаровала, она меня больше не любит и все такое.

ОН: Вы общались?

ОНА: Практически нет. Мы не разговаривали с тех пор. Ну то есть это очень резко прервалось... Короче, потом была еще Кристина. Кристина на протяжении всего нашего времени общения думала, что я ревную ее – ну, в смысле Олю – к ней. Я всегда думала, что Кристина нормальная чика, и мы даже можем подружиться. Но вот эта постоянная ревность меня очень сильно заебала, поэтому я не могла с ней общаться. И она радостно приняла эстафету и начала с Олей постоянно общаться. Я такая «ну ладно». Но это как бы не имеет отношения ко мне никакого. Воот. Я ходила в универ, и мы шарахались друг от друга.

ОН: От Кристины?

ОНА: От Оли. Я от Оли, Оля от меня. И как бы было довольно тяжело, потому что мы тоже в одной группе. И как-то она мне написала через, наверное, месяц-полтора. Типа я сейчас тебе позвоню, надо поговорить, я так больше не могу. Я такая «Ну давай». Она мне позвонила. В итоге, она мне говорила, что вот.., что это я от нее шарахаюсь, что это я так на нее смотрю. Вот, и почему я так делаю. И почему я решила, что я ей больше не нравлюсь. И что это вообще все за хуйня. Почему я себя так странно веду. Почему я играю постоянно. Я пыталась ей объяснить, что я вообще нихуя не понимаю, че происходит. Ну вот мне казалось, что она больше не хочет со мной общаться. А она сказала, что, мол, нет, ты какую-то хрень несешь. Я говорю, ну мы можем нормально снова общаться? Она такая: нет, я думаю, что уже нет. Как-то так все закончилось. Ну я естественно неспокойно общалась, потому что я не умею вообще. Я опять ревела. Вот. Ну и все, как-то мы так поговорили, и я подумала, что видимо ниче никогда не будет. Потом был день рождения Кристины, где мы все сидели вместе. И мне как бы опять было не айс. Потому что день рождения Кристины устроила полностью я, то есть прям полностью. У нас была идея, ну мы в чатике, как обычно, придумали идею, что надо снять хату, но всем было некогда. И я сняла хату на Новом Арбате. То есть не хуйню собачью, причем че-то задешево, я уже не помню, за сколько. Все организовала, подписала на себя контракт. То есть если че, все проблемы были на мне, потому что я имела право провести туда два человека, а привела туда хуеву тучу людей. И мы там тусили с музыкой всю ночь. Ну короче я все это

устроила, мне даже никто спасибо не сказал из этих всех людей, которые не пришли даже на мой День Рождения. И я подумала, что, бля, как они меня все заебали, как они меня все заебали. Ааа, к этому времени я уже съездила в Рим. В Риме я, короче... Мы туда съездили с Кириллом, Лизой, Полиной. Остальные неважно. Я очень сильно подружилась с Лизой, мы там, собственно, начали так общаться только, мы че-то вместе начали тусить. Вот. А, ну короче Лиза ко мне подошла как-то и сказала, что, слушай, «Давай ты бросишь Кирилла». Я такая «Че-че-чего, блять». То есть ну «нет, никогда». Она такая «Ну он же себя ведет, как хуй собачий, он тебя типа вообще недостойн». А я че-то подумала... Ну знаешь типа так... Отношения уже были в какой-то такой стадии, что я решила «Да почему бы и нет». И я ему говорю «Кирилл, я тебя бросаю». Вот. Кирилл такой типа расстроился. Типа реально расстроился, потому что мы жили в одной комнате. Вот. А я ушла жить в другую комнату сразу.

ОН: А ты в Риме это ему сказала?

ОНА: Да.

ОН: А на какой день из скольки?

ОНА: Ну я не помню. Дней было всего 10. Не помню, на какой. Ну, я сломалась через день просто, поэтому это неважно. Я как бы день походила отдельно, переночевала в комнате Лизы, потом вернулась обратно. Потом сказала «прости, бес попутал, вот, вся хуйня... я больше так не буду». Он таскался за мной весь день. Искренне какой-то типа очень грустный, вот. Таскался очень картинно, как и все он делает. Очень театрально. То есть он там не отпускал меня. Ну то есть в буквальном смысле выворачивал мне руку и говорил, что если я ее типа уберу, он ее нахуй типа сломает. Вот, и все такое. Он как бы ныл все время. Типа «Ну ты чее...нанана». Все стояли, короче, слушали экскурсию, а он сидел у моих ног. Все было жутко ужасно. В итоге я все равно почему-то вернулась обратно через день. Как бы мы так дальше и дожили в Риме. Ну я больше общалась там с Лизой и с Полиной, потому что Кирилл отказывался, например, пойти со мной по магазинам, хотя мне очень хотелось, потому что ну в Италии ну походить то по магазинам, сука, ну даже если денег нет! Там столько платьев красивых, ты понимаешь?! Ты понимаешь, сколько там? Мне нравилось ходить просто, разглядывать. Ночью гулять нравилось. Кириллу ниче не нравилось, ему похуй было, он хотел вернуться в отель. Вот. И читать газетки. Типа че там в мире произошло.

ОН: И трахаться.

ОНА: Ну и трахаться, да. Трахаться он хотел постоянно. Вот. Я не помню даже, как мы встретили Новый Год. Мы по-моему были у Полины. Да, мы были у Полины. Первый раз к Полине пришли кроме нас с Кириллом еще Оля с Кристиной. То есть у меня был такой Новый Год со всеми людьми, которых я любила этот год. Они, короче, все тусили там, мы сделали вместе фоточку, которую Кристина до сих пор носит в кошельке. Ну и как-то я легла спать в 2 часа ночи, мне было неинтересно ниче. Ну и все. И Новый Год кончился.

ОН (иронично): А вот в моей истории он только-только начался! Так, Новый год. Я даже не помню, че происходило с октября по ноябрь. Видимо, ничо. Я с Мариной не общался, с Аней не общался. Общался с Сашей из комнаты напротив и с самим собой. Гулять ходил один. А потом был Новый Год. А Новый Год мы хотели отпраздновать вчетвером я, Аня, Света и Сережа. Света Сережа сначала че-то вроде хотел, потом не хотел, потом он был бы

не против, чтобы Света приехала к нему в деревню, и отметили бы они все втроем с его мамой. Потому что Света не хотела ехать к его маме, хотела в Самаре встречать, в Самаре было не у кого встречать. Аня тоже не хотела встречать у себя. Потом мы как-то через третьих лиц договорились, потому что с Аней общались натянуто очень. В итоге, мы решили встречать все-таки вчетвером у меня дома у бабушки, потому что бабушка куда-то опять уехала. Мы даже купили еду, подарки, все. В итоге, мы приехали туда на два дня. Вчетвером.

ОНА: Ну.

ОН: Ну вот. Мы приехали, приготовили еду всякую. По большей части они готовили, потому что я то домой ходил, то просто сидел в комнате, а они – на кухне. Потом еще сестру привел – ну чтобы она на друзей моих посмотрела, просто погулять вышла, она же маленькая, ей все интересно, - даже мать приходила вроде, чтобы или забрать сестру или привести, не помню. Ну, мы, короче, на стол накрыли, сели, отпраздновали – почти никто не пил, была только одна бутылка шампанского. Ну и начали дарить друг другу подарки. Когда она собиралась мне подарок дарить – она попросила Свету и Сережу побыть на кухне, потому что стеснялась при них что-то говорить. Вот. И подарок ее был очень прикольный. Мы даже целовались.

ОНА: Да, мне тоже Кирилл очень прикольный подарил.

ОН: Она мне подарила шар из сделка или пластика, который сама расписала.

ОНА: А мне Кирилл подарил шарф, который он сам связал.

ОН: Свя... (смеется)

ОНА: Сам связал шарф (смеется). Он до сих пор у меня валяется, причем он очень теплый и прикольный, но я не могу его надевать, потому что он меня бесит. Нет, ну это было довольно миленько. Ну хотя да, странно. Но что поделать?

ОН: Ну да... Связать шарф... Так вот. Она подарила мне шар. И там было написано стихотворение какое-то. Мне оно очень нравится, его написала неизвестная какая-то поэтесса. Я его вообще вконтакте нашел и ей кинул. Шар у меня до сих пор есть. А в комнате была одна кровать. Ну мы уже устали, никуда не пошли, отпраздновали. И мы с ней спали на полу вместе – мы поспорили и решили, что на полу сегодня мы спим, завтра Света и Сережа. И при этом в первый день мы спали нормально. Ну, мы не целовались опять, она сказала, что когда три часа назад целовались, это были чувства из прошлого, вот это все. И когда мы легли спать, я пытался ее обнять, а она даже руку убирала. Но мы спим-то вместе. Я не знаю... Это как-то... То есть... То есть... Вот. А на второй день. Свете было плохо, мы все спали долго, потом на каток ходили. Потом вернулись, легли спать. А уже была наша очередь спать на кровати. И вот мы легли, сразу не смогли уснуть. И она села демонстративно так. И в телефон уткнулась, с кем-то там переписывалась. Это было просто ужасно, просто ужасно. В итоге мы все-таки уснули, а на следующий день они уехали. Ну, в общем, это был ужасный Новый Год. Почти такой же ужасный, как День Рождения. Я тогда вообще был один. Только в универе подарили книжку те же Света с Сережей, и все.

ОНА: Ну у меня тоже. Мне подарили... Мне Оля сделала... Ну, заставила всех, короче, что мне сказать, и сделала из этого микс. Вот. И я до сих пор плачу, когда это слушаю, потому что ни один из этих людей щас бы этого мне не сказал. То, что они там говорят,

мне очень важно. И даже когда он вперемешку включается, я даже не могу это слушать. Очень тяжело это слушать.

ОН: Это аудио?

ОНА: Да. Ну она же звуковик. Она божественно слышит музыку, звук, все такое. В группе играет. Она собрала кучу людей, которые рассказывают воспоминания со мной, че у них со мной было, как они со мной познакомились, че там типа важное со мной. Ее голос для меня там важнее всех, конечно. Потому что он еще и самый красивый тоже. И я просто ну не могу... Я его даже щас слышу... Ну короче, да, подарок был норм. А Кирилл мне ничо не подарил.

ОН: Да ладно?

ОНА: Да... А нет, он подарил мне сборник современной поэзии. Но там как бы были говнопоэты. Короче, блять, это ужасно. Просто ужасно. Терпеть не могу это говно. Хочется какие-то сложные стихи читать, интересные стихи читать. А это... Где-то стоит это книжка, не знаю. Пылится, наверное. Я ее три раза открыла и убрала.

ОН: Ну а после Нового Года было какое-то затишье прям.

ОНА: Перед бурей?

ОН: Перед Юрий.

ОНА: Смешно.

ОНА: Я не помню, что было в январе. В феврале я просто думала все время «как же я не хочу ехать в Сочи». Потому что подошло время ехать в Сочи, а Сочи мне было ехать не с кем.

ОН: А с Кирилл?

ОНА: А Кирилл не прошел, он не ездил в Сочи. Там был отбор, он не прошел, потому что опаздывал. А там тех, кто опаздывал, оказалось, вычёркивали автоматически. А Кирилл опаздывал постоянно. Я не опаздывала ни разу, я вообще всегда почти была первая. Хотя мне ехать типа полтора часа. Даже больше. Ну, короче, каким-то судьбами я прошла. Я встретила своего куратора в Сочи, он мне все рассказал. Потом, короче, расскажу, это не так важно.

ОН: Ну че?

ОНА: Ну он сказал просто, что хотел на меня посмотреть. На что тип способна. Потому что видно было, что я очень хотела, но что у меня не было сил. Потому что я как бы все время хваталась за камеру, мне не хотелось мотать кабель. Хотя я именно этим и должна была заниматься. И постоянно уваливала от этой работы. Ну вот и короче я так и не научилась мотать кабель, он это прекрасно видел. Потому что он каждый год отбирает для Олимпиады чуваков. Но он меня взял, потому что я, блять, с таким рвением хваталась за камеру, что ему это понравилось. Я не давала ее... Там была команда, нас разделили. Ну по пять человек. Ассистентами оператора в основном были мужики. Вот. И я. И как бы у меня была команда: я и четыре мужика. Вот. И они такие типа «давай ты кабель помотаешь». Потому что камера, сука, очень тяжелая. То есть...

ОН: Очень сильно?

ОНА: Очень сильно. У меня... у меня... Ну, я телка еще.

ОН: Говори «та еще телка».

ОНА: У меня плечо немело через семь минут. Вообще, я ниче не чувствовала. Ни руку, ничего. Вот. Но я настолько хотела снимать, что мне было насрать. Они такие подходили типа «Давай мы заберем камеру». Я такая «Пошел нахуй! Мотай кабель!». Вот. И я снимала почти все время. Поэтому в итоге он меня взял.

Ну короче, я ниче не могла сделать, поэтому я поехала в Сочи. Хотя мне очень не хотелось, потому что я очень сильно чувствовала, что без меня че-то случится. А я все время этого боюсь, поэтому я ничего не пропускаю. Я все время хожу там в универ, и все такое. Ну, щас меньше, меня немного отпустило.

ОНА: Мне все время кажется, что без меня что-то случится важное. Я не хотела оставлять Олю с Кириллом вдвоем.

ОН: Так, подошли к самому интересному...

ОНА: Я чувствовала, что че-то произойдет обязательно.

ОН: Не «че-то произойдет», а «они потрахаются».

ОНА: Да. Я чувствовала, что они потрахаются без меня. Потому что мне всегда казалось, что Кириллу нравится Оля, но он все время это типа отрицал.

Ну короче я приехала в Сочи и первую неделю... ну я познакомилась с девочкой Аней в самолете еще. И как бы тусила с ней. Там еще был парень Стас, он был жутко стремный, весь прыщавый, но ему сильно нравилась Аня и сильно не нравилась я, потому что я все время была рядом. Я была знаешь как стремная подружка, я себя чувствовала как в лагере. Вот это вот забытое чувство, когда ты приезжаешь в какое-то сообщество, и все мужики считают тебя стремной подружкой. Вот прям как в кино. Я всегда была в лагере стремной подружкой, всегда была в школе стремной подружкой. И вот я забыла об этом в универе, потому что меня вдруг все стали хотеть и я такая «Да я ничего себе!». Тут я почувствовала себя просто ужасно и мне было пиздец ебано, но я как-то смирилась с этой ролью. Ну побуду типа стремной, у меня все равно парень в Москве, ну какая мне разница? Вот. Но неприятненько. Короче, мы тусили с этой девочкой, я вначале ничего не понимала, мне жутко все не нравилось первую неделю. Потом приехал Андрей через неделю. Я ему все показывала, уже все показывала, че где находится.

ОН: А почему он позже?

ОНА: Ну там у всех по-разному были заезды потому что. У всех разные объекты, а он был на объекте хоккея, а хоккей начинался позже, чем фигурное катание. Он и уезжал, по моему, раньше, чем я. Или позже. Я не помню. Ну короче, по-разному. Ну короче просто мы там каждый день бухали практически. У Андрея в это время была девушка Аня, он прям очень сильно ее любил, прям очень сильно. Ну так, по крайней мере, казалось. Собственно, 14 февраля он мне рассказывал, как заставил друга поехать подарить ей цветы типа за него и какой-то подарок. Вот. Так как он не мог сам. И практически постоянно о ней пиздел. Не замечая, что мне как-то ебано, потому что Кирилл мне даже не звонит все это время, не звонит и не пишет. То есть я пишу ему периодически: денег на звонок у меня немного, потому что ну, там дорого. Вот. Я пишу, он как бы отвечает, я естественно в фейсбуке вижу, что с Олей сходили в театр. Вот фотки. С Олей сходили в кино. Вот фотки. Вот мы с Олей сделали такой-то проект, вот мы с Олей сняли видео вместе и смонтировали его. Я как бы думаю «Ну... ладно». В принципе, после того как он

меня не поздравил с 14 февраля и мы еще, наверное, дней 5 не общались вообще. То есть до 20-ого мы не общались вообще. Но как бы... То есть я пыталась выяснить, это все или че. Или че вообще происходит? Я, блять, сука, не понимаю. Я, блять, хуй знает где нахожусь, и че, тебе даже не интересно, че со мной происходит? Вот. Ну и как бы да. Каждый день бухали с Андреем, я не спала вообще там. Я то бухала с Андреем, то бухала с Полиной в горах, то просто у моря сидела всю ночь. А потом появился индус. Нет, индус был все время как бы, но он как бы подкатывал ко мне, но я не очень отдавала себя в этом отчет, потому что считала себя дохуя верной. Ну просто я думала типа «Наверное, Кирилл че-то занят там. Учеба же, все дела. Он же в универе, он же не хуи пинает». Вот. Поэтому когда индус позвал меня к себе в номер. То есть мне было очень плохо 14 февраля, а никого почему-то не оказалось. Мы ходили почему-то вдвоем с ним и звонили всем, а все куда-то уехали. И в итоге он такой типа «Ну пошли винища бахнем!». Я такая «Ну пошли». Как-то это все время мы нормально разговаривали по-английски. Ну то есть я не знаю, почему. Наверное, потому что я там быстро адаптировалась. Я не знаю. Ну короче мы нормально пиздели вообще за жизнь там. Посидели, нахуярились, пошли к нему в номер. Вот. Там мы стали играть в «правду или действие», конечно. Я, конечно, выбирала действие и там нужно было и станцевать и перевести ему слова Путина с экрана телевизора, который там стоял, и прочую хуйню какую-то делать, но в итоге кончилось тем, что он стал сразу меня лапать и пытался меня поцеловать. Я такая сразу «Ой нет-нет-нет-нет-нет, я не такая. У меня типа там парень в Москве». Он такой «Да, а у меня телка. Я с ней типа три года встречаюсь». Я такая «Ну и че? Тебя не бомбит?». Он такой «Ну я боюсь, короче, людям делать больно. На самом деле, она мне типа не очень нравится, но я вот типа боюсь ей сказать. Я до сих пор не понимаю, искренне он говорил или нет, потому что выглядело это очень искренне. И как бы это в итоге, несмотря на то что я уже как бы... к 20-му числу я была сильно потрепанной, я не хотела возвращаться в Москву. Я вообще не понимала, че меня там ждет, мне хотелось навсегда вообще остаться в Сочи. Я в принципе была не против даже с ним переспать. Но он меня не трахнул как бы, хотя мы уже как бы три раза ходили к нему в номер. Мы просто сидели и общались. Я ему рассказывала про Кирилла, он мне рассказывал про свою чикку, с которой он сейчас – в сентябре – поженится. Судя по фейсбуку. Ну короче ниче не было, мы поцеловались несколько раз. Нас причем спалили чуваки. Ну то есть нам несколько раз звонили наши... ну, у нас была компания просто... они звонили и мы типа такие «Не-не-не, мы заняты», они такие «Ну понятно». Они решили, видимо, что мы трахаемся, естественно. Вот. И куча шуточек была, и все такое. Но ниче не было, на самом деле. Ну и фишка в том, что... ну то есть когда я уезжала, он куда-то съехал, я ему типа писала «Давай попрощаемся», потому что ну это как бы не Москва-Волгоград, а Америка и Москва, мы больше не увидимся вообще, скорее всего. А мы так закорешились, в общем. А он вообще не отвечал, в итоге, я уехала, уже в аэропорту стою и он типа пишет, что его пиздец че-то вызвали там куда-то и ему прям срочно надо было уехать. И типа «Извини, пожалуйста». И я как бы не отвечала, мне было жутко больно, потому что мне реально казалось, что мы реально типа стали друзьями. Ну то есть несмотря на то что мы там пару раз поцеловались и все такое. То есть мы прям хорошо общались. И я думала, что меня опять кинули и такая «Ну и хуй с тобой». Он мне еще несколько раз писал потом, я ему

отвечала, но... потом мы перестали общаться вообще.

С Андреем мы с первого курса не общались почти, а тут как бы благодаря Сочи мы как бы сблизились очень сильно снова. И когда я собственно приехала и в первый же день, ну то есть через два часа после приезда я пришла в универ и Кирилл мне сказал типа «Ну такие дела, короче, с Олей сосался». Я такая «Ну ок». Я сказала сначала, что мне нормально.

Потом мне было очень плохо.

Ну короче оказалось, что он ездил к ней в общагу, причем накануне моего приезда, причем до этого ему просто было неинтересно со мной общаться. И он короче целый месяц Оле затирал, что все отношения, которые у нас, это пережиток прошлого. Все это хуйня. Ну короче. По полному ее обходил. Ну короче, если бы он просто с ней поцеловался, я бы не знаю. Мне бы, наверное, было очень плохо. Но он как бы после это фразы выдал еще одну типа «Да, знаешь, я в универе только двух хочу трахнуть: тебя и ее». И я такая «Бляя... Бляя... Ну охуенно, ну очень классно». Ну я короче съебала. Он причем поехал за мной. И ехал за мной до дома. И зачем-то. Не знаю, зачем до сих пор. Потом 4 дня он разыгрывал комедию, что ему плохо, что я типа его бросила. А мне было реально плохо. Прямо вообще плохо. Совсем плохо. Мне так никогда не было плохо. Я как в кино, блять, не хотела ни есть, ни спать - ниче вообще. Я в общем думала, что я ненавижу себя еще больше, чем обычно. Вот. И наверное, я че-то сделала не так. И наверное я была типа дохуя неправа, что он так сделал. И я же в самом деле тоже типа сама там поцеловалась с индусом. И типа надо, наверное, друг друга простить.

И короче я еще несколько раз с ним трахалась после этого, причем в таких условиях, типа что. Я платила за хостел, например. Сама.

ПАУЗА.

ОН: Надо за это выпить, видимо...

ОНИ пьют.

ОН: Выпить надо до дна, потому что история дерьмовая.

ОНИ пьют.

ОН: Ладно, давай я продолжу. Ну короче после Нового Года было вообще как-то не айс. То есть сначала было все клево, я поругался окончательно с Аней – уже после Нового Года. Мы че-то по телефону разговаривали, ей не понравился мой тон, мы говорили-говорили о чем-то – Света опять попала в больницу. Вот. И мы такие говорим-говорим, начали ругаться по телефону. А я, короче, сижу в общаге, сижу в чужой комнате, и заходит чувак из той комнаты. Ну к себе домой. А я там по телефону болтаю. А я не могу на какие-то серьезные темы при ком-то разговаривать. Тем более не у себя. Ну я такой тип «Давай тебе перезвоню», но там уже был пик какой-то. И я перезвонил, но она сказала, что больше не хочет со мной разговаривать. И все. Больше мы, собственно, и не разговаривали. И не разговариваем. И желания никакого нет, да.

А потом уже, в январе, я на полмесяца уехал к Денису в Питер. Мы там тусили чет, веселились немног. Даже кино вместе смотрели, хотя он его терпеть не может. Ну, в общем, было нормально. Хотя мне было чертовски ебано, потому что у меня никого не было, и это было немного стремно.

Вот. И еще, самое то главное. Я еще до Питера подкатывал к одной телке в общаге. Она была первокурсницей и я ей иногда помогал с каким-нибудь предметами типа начерталки или матана.

ОНА: Набор букв просто.

ОН: Начертательная геометрия и математический анализ. Геометрия и математика. На самом деле, вся беда в том, что для Ксюши – так телку звали – это тоже было набором букв. Но у нее были большие сиськи, она рассталась с парнем, была тупа и я хотел ее трахнуть. Во-первых, потому что у нее были большие сиськи, во-вторых, потому что я ей помогал. Ну я, короче, до НГ приходил к ней, спал даже в одной кровати, но она все никак. Говорила тип «У меня еще осталось что-то к Вове». Ну бывший ее. Уебан максимальный вообще. Просто максимальный. Но ему она давала, а мне нет. Ну короче так она мне до НГ и не дала, а на каникулы все разъехались, и поэтому я возвращался в общагу 8 февраля. А в этот день у нее был ДР. И я понимал, что если она будет пьяна, то все будет ок. Потому что когда я был в Питере, я ей писал.

Ну короче наступает 8 число, я приезжаю. А там праздновали ДР двух телок из одной комнаты. А т.к. мой блок и та комната – 416 – сильно были заодно, то на День Рождения собрались как раз эти два блока, которые друг друга знают. Парень из моей комнаты встречался с телкой из той, парень из комнаты напротив встречался еще с одной из 416. А третьей была Ксюша, и она трахалась с другим парнем из соседнего блока, но в конце прошлого года рассталась. Ну значит мы всем блоком пошли туда, я даже ей подарил коробку конфет или что-то вроде. А больше никто ничего не дарил, просто шел бухать. Поэтому я вообще был выгодный.

Ну и мы там сидим на празднике. Стол накрыт в комнате, салаттики, все такое. И вот, середина праздника, а Ксюша уже в дрова. То есть она вообще в ноль была к середине. Она уже выпила, когда готовила. И во время всего торжества танцевала на столе, кидала бутерброд в своего бывшего – нахуя он пришел, вообще никто не знает, но видимо за компанию, потому что он черт тот еще. Потом она много чего разбила, разлила, громко всем говорила, что я ей помогаю, а когда был в Питере, вообще с ней общался.

Естественно, это выставляло меня посмешищем. Но я терпеливо ждал, когда все уйдут, чтобы ей наконец всадить.

В итоге, все ушли на дискотеку. Ксюша тоже хотела, но не могла нормально передвигаться и поэтому осталась в комнате. Я почти ушел, но потом нас на выходе – а было уже около 12, охранник не выпустил из общаги. Я не стал спорить, почему, сделал вид, что уже не хочу идти и пошел в ее комнату. Все остальные не вернулись в комнату, но еще раз попробовали пойти на дискотеку и, судя по всему, у них получилось. Поэтому все было за меня.

Но! Ксюшу то одну в комнате хуй оставишь. Она же или уйдет куда или убьется или чего еще. Поэтому с ней осталась ее подруга. Лучшая какая-то подруга, я ее в первый раз видел. Она, оказывается, в соседнем общежитии жила. Ну вот. Я прихожу туда, а там

подруга и Ксюша в темноте. Ну я к ним сажусь на кровать. Типа помогать пришел. Ну и мы такие сидим с подружкой, Ксюшу пытаемся уложить, а она же пьяная, поэтому тяжело укладывается. Разговаривать начинает, все такое. И рассказывает свои истории из жизни. Откровенничает. Сначала жаловалась, что ее никто не хочет. еще че-то несла. Потом спросила меня тип «А у меня нормальные сиськи?». Я говорю «Ну наверное да». Она такая «Ну ты же щупал!». А я реально мацал, когда мы с ней лежали. Она была не против, я тем более. А тут сидит ее подруга, и мне как-то стремно.

ОНА: Так а че ты не ушел-то? Уже же понятно, что вряд ли подруга уйдет.

ОН: Ха! А потому что подруга ее на меня глаз положила! Мы с ней обнимались в темноте этой. Я ее за руку держал, все было на мази. Поэтому я уже больше хотел, чтобы Ксюша заткнулась, а я занялся ее подружкой. То есть я мог, наверное, попытаться заняться обеими, но как-то не решался. Думаю, что Ксюша была бы не против. В том состоянии она бы вообще на все что угодно согласилась. Тем более я был такой в рубашке – как Путин там или... короче, в рубашке был - и вообще ничего спиртного не пил. Такой гарант стабильности. Ну короче со временем Ксюша уснула на одной кровати, и мы без лишних прелюдий с ее подружкой легли на другую кровать.

ОНА: Ты ее отжарил, конечно?

ОН: Неа... Мы целовались, вот это все. Но она такая «Только давай не будем заниматься тем, о чем вот сейчас Ксюша говорила». А Ксюша говорила о том, как ее жарил Вова в туалете в клубе. Как он ее взбитыми сливками обмазывал и слизывал затем. Вот. И мы так полежали. А потом я ушел к себе, потому что в любой момент могли вернуться с дискотеки те, кто еще жили в этой комнате. И я ушел. Мы решили, что спишемся потом, что конечно еще погуляем или что-то такое.

И потом я ей такой правда пишу тип «Давай мб куда сходим» - дня через два. А там 14 февраля скоро. Давай, говорю, сходим на концерт, там музыку играют хорошую. А она не отвечает два дня. Я эти два дня ее страничку изучаю, понимаю, что она типичная тупая пизда со стеной с типичными перепостами дешевой поэзии. Но мы-то договорились сходит куда-нибудь. Отношения! Я даже думал, что она будет такой тип «ну на безрыбье». Думаю, ты уже поняла, что вышло – хуй?

ОНА: Ага.

ОН: А два дня назад она мне все-таки ответила. Причем это было так помпезно, так высокопарно типа «Было, но прошло. Давай больше не будем общаться». И короче, все. Я все, вообще. Мне отказала даже какая-то стремная телка. Я, короче, два дня походил в универ и все. Записался вот в фитнес-клуб. Буду теперь качаться.

ПАУЗА.

ОН: Ладно, не записывался я ни в какой фитнес-клуб. Шутка такая. А в сумке у меня вещи дня на три, я поеду в Питер какой-нибудь.

ОНА: А Кирилл спит в хостеле.

ОН: Здесь, что ли? Че ты с ним здесь-то делаешь?

ОНА: Давай без этого вопроса, пожалуйста. Я вот... я не хочу, короче, отвечать. Извини.

ОН: Ладно...Ой, слушай, а хочешь я тебе прочитаю стихотворение Бродского?

ОНА: Я, в принципе, не против и сразу потрахаться

ОН: Тяжело трахаться с человеком, когда не знаешь, как его зовут.

ОНА: Ну я тоже не знаю, как тебя зовут, меня не смущает.

ПАУЗА.

ОНА: Набережная неисцелимых.

ОН: Че?

ОНА: Бродский про Венецию

ОН: И че?

ОН: Набережная исцелимых.

ОН: (с иронией) Чиво ты несешь?

ОНА: Набережная исцелимых. Мы сидим на берегу – значит, это набережная. Мы больны, но еще можем быть вылечены.

ОН: Я не такой тупой...

ОНА: На всякий случай

ПАУЗА.

ОН: Так а как тебя зовут-то?

ОНА: А ты мне не будешь читать Бродского?»

КОНЕЦ.